

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 1917 Г. В ПОВОЛЖЬЕ

В статье анализируется подготовка, проведение, итоги муниципальных выборов 1917 г., их влияние на дифференциацию партийно-политических сил и революционный процесс в городах Поволжья.

Ключевые слова: Временное правительство, городские думы и управы, политические партии, общественные организации, муниципальная избирательная кампания.

В ходе революционного процесса 1917 г. в России были проведены три избирательные кампании: в городские думы, волостные земства, Учредительное собрание. Они осуществлялись на основе разработанного Временным правительством плана построения демократического государства путем всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании. Первыми по этим правилам стартовали выборы в городские думы. Партийно-пропорциональный принцип представительства был на них ведущим. Представлялась также возможность выдвижения кандидатов от общественных организаций (социальных, корпоративных, религиозно-конфессиональных). Муниципальные выборы редко были предметом специального изучения в историографии [6; 9; 11; 18]. Однако, рассматривая деятельность большевиков в российской революции 1917 г., исследователи освещали их тактику в ходе избирательной кампании [1; 2; 7; 10; 12; 13]. Партийно-политическая борьба накануне и в ходе выборов, их итоги рассматривались как составная часть революционного процесса в России [3; 15; 17; 19]. Между тем итог всеобщих демократических выборов выявил особенности зарождения и функционирования гражданского общества в регионах России. Они различались по уровню социально-экономического развития, национально-конфессиональному составу населения. На примере выборов в Самарскую городскую Думу, проходивших дважды – летом и осенью 1917 г., можно проследить ментальные особенности населения края, ярко проявившиеся в период революционного кризиса.

Временное правительство, верное провозглашенным демократическим принципам, наделяло равными избирательными правами все слои городского населения. В том числе солдат тыловых гарнизонов. Организация выборов была возложена на исполнительные органы городских дум – управы. Они отвечали за составление списков избирателей, регистрацию кандидатов от политических партий и общественных объединений, финансовое обеспечение избирательной кампании. Объем работ был чрезвычайно велик, а сроки крайне ограничены. Финансовое обеспечение выборов часто превращалось в трудноразрешимую проблему, поскольку традиционные источники налогообложения не могли покрыть растущих потребностей самоуправлений в условиях инфляции, вызванной войной и революцией. В этих условиях муниципальные служащие частью из-за нерасторопности иногда

* © Кабытова Н.Н., 2012

Кабытова Надежда Николаевна (Kabpetr@samsu.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443031, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1

специально стремились не допустить волеизъявления политических симпатий наиболее радикальных слоев общества, не являвшихся к тому же постоянными жителями городов, как, например, солдаты. Для этого выискивались различные формальные поводы: размещение воинских частей на городской земле, но за чертой усадебной оседлости; либо наоборот – земли принадлежали крестьянскому обществу, а город арендовал их для размещения гарнизона [13, с. 561]. Такие случаи вызывали волнения среди солдат, использовавшиеся большевиками в антиправительственной пропаганде.

Муниципальные выборы в городах Поволжья проходили в основном в июле–августе, но были случаи, когда они затягивались до сентября–октября 1917 г. В некоторых городах выборы устраивались дважды из-за грубых нарушений, допущенных организаторами в ходе избирательной кампании. Наряду с общероссийскими закономерностями выборы в городские думы Поволжья имели ряд особенностей, характеризующих расстановку политических сил в этом регионе. Эти особенности в большей степени проявлялись в губернских городах, чем в уездных. Разумеется, результаты выборов в думы зависели также от срока их проведения, ибо нарастание революционного кризиса влияло на популярность среди избирателей тех или иных политических сил. Активность различных слоев городского населения также была неодинаковой летом и осенью 1917 г., что объясняется укреплением позиций советов рабочих и солдатских депутатов, выступивших реальной альтернативой думам в муниципальном управлении.

Выборы в Самарскую городскую Думу проходили в условиях обострения политической борьбы в стране. Наибольшую оперативность при регистрации партийных списков для участия в выборах здесь проявили большевики. Они отказались от блока с другими партиями и первыми представили список кандидатов в городскую Думу из 86 человек. В ответ на это самарские меньшевики тоже решили в блок с большевиками-ленинцами не вступать, а с остальными социал-демократическими группами и эсерами признать его принципиально допустимым. Кадеты пытались отвлечь избирателей от партийно-политической борьбы и обратить их внимание на неотложные нужды города в хозяйственной и социально-культурной области. Лидер самарских кадетов, гласный Думы В. Кудрявцев убеждал, что «обилие списков никогда не в состоянии дать работоспособного ядра, как и все те новые политические образования, которые недавно стали жить и действовать открыто. Расценивать избирательные списки нужно не по симпатиям к тем или иным партийным дисциплинам, а по внутреннему их содержанию, по качеству тех кандидатов, какие выставляются, по их работоспособности и вообще по их полезности для городского хозяйства» [4, 26 июня].

Межпартийная борьба, развернувшаяся среди социалистов, позволяла партии Народной свободы рассчитывать на поддержку не только крупных капиталистов, чиновников, но и мелкобуржуазных городских слоев. Так, первоначальное намерение служащих городского общественного управления примкнуть к социалистическим спискам не было реализовано из-за нежелания социалистических групп включать их в списки кандидатов [8, 20 мая]. Однако такая ситуация не способствовала изменению симпатий всех представителей данной социальной группы, поскольку затрагивала лишь амбиции ее лидеров. Рядовые служащие вполне могли проголосовать на выборах за умеренных социалистов, а не кадетов, которые явно демонстрировали умеренность и осторожность, столь непопулярные в революционное время.

Единение «всех революционных сил» в Самаре летом 1917 г. окончательно распалось. На собрании мещан, где обсуждался вопрос о присоединении к социалис-

тическим спискам, довольно значительная часть мелких собственников внесла протест в протокол, заявив о необходимости самостоятельного представительства. Общее собрание объединенного старообрядчества вступило в блок с партией Народной свободы на время избирательной кампании [4, 29 июля]. Тем не менее возможности кадетов по расширению своего электората были ограничены естественной узостью социальной базы, т. к. средний класс был немногочислен, а число пролетарских и полупролетарских слоев в военное время увеличилось. Новые пролетарии из вчерашних крестьян больше всего тяготели к социалистам-революционерам, выдвигавшим столь притягательные для них лозунги уравнительного перераспределения земли. Меншевицкая муниципальная программа могла привлечь лишь мелких служащих и кадровых рабочих, чей труд неплохо оплачивался, но таких было немного. Война и революция еще больше сужали социальную базу умеренных преобразователей общественных отношений в стране.

Выборы в Самарскую городскую Думу были назначены на 15 августа 1917 г. К 15 июня статистический отдел городской Управы закончил работу по составлению избирательных списков и на пятый день предъявил их избирателям для обозрения. Лица, не внесенные в списки, должны были в течение пяти дней заявить об этом в Управу, в противном случае они не могли голосовать [5, 15 июля]. Такая жесткая позиция Управы способствовала дополнительной конфронтации, тем более что Временное правительство прислало разъяснение, по которому могли быть «лишены участия в выборах только монашествующие и лица, одержимые безумием» [5, 12 июля]. Накануне выборов, 14 августа, собрание комитетов воинских частей постановило ходатайствовать перед Временным правительством о разрешении произвести дополнительные выборы в Думу от лиц, ошибочно не занесенных в списки избирателей (около 1/3 гарнизона) [8, 13 августа]. Но прошением дело не ограничилось. 15 августа, с утра, не включенные в избирательные списки солдаты и инвалиды устроили демонстрацию перед зданием Думы, где выступавшие призывали к закрытию выборов, и они состоялись лишь на 11 участках из 23-х. Естественно, их результаты сразу же были подвергнуты сомнению левыми силами даже по тем участкам, где выборы состоялись. Солдатский митинг, на котором присутствовало около 30 000 человек, поручил избранной делегации сделать заявление Совету солдатских депутатов. Собрание требовало экстренно составить списки невключенных избирателей, отложить подсчет солдатских голосов «до общей подачи записок всеми солдатами», в том числе и находившимися на лечении в лазарете. Был высказан также протест против лишения избирательных прав солдат, не достигавших 20 лет [14, 16 августа].

В дальнейшем события развивались следующим образом. На заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 16 августа почти все ораторы указывали на оторванность масс от Советов, видя в ней основную причину неорганизованности выступлений. Была принята резолюция протеста против контрреволюционных сил, содействовавших срыву выборов с призывом ко всей демократии поддержать Совет в работе по проведению новых выборов. Внесенная максималистами резолюция: «движение народных масс 15 августа было актом восстановления своих законных прав; часть вины в неудаче выборов падает и на Совет, не проявивший на выборах надлежащего контроля» — собрала всего 28 голосов [8, 19 августа]. На следующий день, 17 августа, состоялось экстренное собрание городской Думы. Кадеты грозили привлечь губернского комиссара к суду за бездействие власти. Представитель Совета рабочих депутатов В.В. Кузьмин в своем выступлении подчеркнул: «...были обойдены солдатские массы, лишены избирательных прав около 15 000 солдат, а всего 20–30 тыс. граждан лишены избирательных прав... на их

протесты никто не отозвался, не было принято никаких мер к выяснению и устранению этого негативного явления. Ни в одной части, ни в одной роте не были опубликованы списки избирателей... И виновники беспорядков те, кто вопит о порядках». Представитель Совета крестьянских депутатов, сравнивая отношение к вопросу Советов и Думы, заявил: «Там бичевали себя, полагая, что они отошли от жизни, а здесь ищут, на кого бы другого свалить вину» [20, д. 15, л. 538]. После прений собрание приняло резолюцию нецензовых гласных: «Признать выборы несостоявшимися и принять все меры, чтобы права граждан впредь не были нарушены» [20, д. 15, л. 539]. Новые выборы были назначены на 24 сентября 1917 г.

В ходе второй муниципальной кампании активность всех политических партий и объединений возросла. В избирательную комиссию было представлено уже 16 списков кандидатов: большевики, эсеры, социалисты-народники, кадеты, меньшевики, максималисты, группа «Единство», домовладельцы, три еврейские социалистические партии, украинская, белорусская, польская группы, группа ревнителей православия и мусульманская группа [16, 21 сентября]. Самарская городская Дума продолжала функционировать в старом составе, но споры и раздоры по «текущему моменту» в ней ничем не отличались от аналогичных партийных разборок в думах соседних губерний, избранных на демократических началах. Так, при обсуждении мероприятий местного самоуправления в связи с мятежом Корнилова кадеты и социалисты обвиняли друг друга в контрреволюционности, так и не договорившись о совместных действиях [20, д. 26, л. 73]. Отклонение большинством Думы предложения о посылке представителей на Демократическое совещание, собравшееся 12 сентября 1917 г. в Петрограде, мотивировалось кадетами и социалистами по-разному. Первые считали, что на нем должны быть представлены все слои населения, а вторые отмечали, что «состоящая наполовину из цензовых элементов Дума не представляет городскую революционную демократию» [4, 7 сентября].

Вторая муниципальная кампания в Самаре проходила в условиях обострения социальных противоречий, но отмечалась лучшей организованностью как со стороны Думы, так и общественности. Дума реорганизовала избирательную комиссию, назначила нового, более деятельного председателя – эсера И.П. Ткачукова, разработала «план предвыборной агитации как активной, так и пассивной» [4, 1 сентября]. Выборы были отложены еще на неделю. Особое внимание уделялось охране города. Накануне выборов губернский комиссар С.А. Волков собрал совещание представителей от Комитета народной власти, Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, гарнизона, милиции. Был создан штаб по проведению выборов, которому представлялись все охранные полномочия вплоть до применения вооруженной силы. Для этого в каждый избирательный участок было делегировано по 6 человек из рабочей дружины, созданной Советом рабочих депутатов, и по 3 члена Совета солдатских депутатов. Кроме того, начальник Самарского гарнизона выделил в каждый участок по 18 солдат во главе с офицером. Было также решено в день выборов закрыть все рестораны и чайные до 4 часов дня [16, 29 сентября]. С призывом к избирателям не допустить нового срыва выборов обратились комитеты пяти крупных социалистических партий: большевиков, максималистов, меньшевиков, эсеров и «Бунда».

Суперактивность общественно-политических сил не нашла достаточной поддержки у рядовых избирателей. В выборах 1 октября в Самаре приняло участие 63 025 человек, что составило 40 % горожан, включенных в списки [20, д. 2, л. 27]. Восстановить данные по специальному составу избирателей, голосовавших за те или иные списки, затруднительно, но результаты по воинским выборным участкам определены. Наибольшее число голосов здесь получили большевики – 2787,

за эсеровский список проголосовало 1546 человек, кадетский – 161, мусульманский – 136, максималистский – 154, меньшевистский – 19 [13, с. 133].

Третья часть голосов, полученная большевиками в Думе, не давала им возможности проводить собственную политику даже при поддержке максималистов, интернационалистов и других левых социалистических гласных. Эсеры, получившие тоже почти третью часть мест в Думе, также не имели союзников для получения большинства. От союза с кадетами они отказывались, другие мелкие группы не могли повлиять на принятие решения. Эсеры с горечью признавали: «Сравнительно с прошлыми сорванными выборами партия потеряла около 15 мест, которые заняли большевики... Мы этому не удивляемся, мы не сомневаемся в том, что в августе за наш список голосовали наши случайные «попутчики», ждавшие от нас быстрого осуществления своих заветных мечтаний. Теперь эти случайные “попутчики”, те, которые привыкли называться мартовскими социалистами, ушли от нас – усталые и случайные – к кадетам, а разъяренные и разнузданные – к большевикам» [5, 14 октября]. При такой расстановке политических сил в Думе трудно было не только принять какие-то решения по вопросам поддержания городского хозяйства и социальной инфраструктуры, но даже сформировать исполнительные органы местного самоуправления. Повлиять на ситуацию в Самаре через Думу и ее исполнительный орган – Управу – большевики могли только в союзе с другими социалистами, прежде всего эсерами. Надежд на прочное блокирование у них не было. Кроме того, большевики стремились не к сотрудничеству, а к единовластию своей партии.

Итоги муниципальной кампании 1917 г. в поволжских городах свидетельствуют о сложном переплетении социально-политических коллизий в ходе революции. Выборы в городские думы показали, что все политические силы использовали их для расширения своей социальной базы в борьбе за власть. Временное правительство, первоначально собравшееся после выборов наделить думы властными полномочиями на местах, вскоре отказалось от таких намерений. Поступило оно так, скорее всего, потому, что раздираемые политическими распрями демократически избранные думы оказались не в состоянии функционировать даже в сфере своей традиционной деятельности. В провинции большевистские организации подверглись меньшим гонениям, чем в столице. В тех случаях, когда к ним применяли репрессивные меры, их популярность еще больше возрастала, что психологически вполне объяснимо в условиях кризиса. Выборы в городские думы, проходившие осенью 1917 г., изменили картину расстановки политических сил, олицетворявших собой бессильную власть, перестали привлекать избирателей. Радикальная часть их электората поддержала большевиков, умеренная – кадетов. Во всех крупных городах Поволжья на выборах были представлены еврейские и мусульманские политические партии и объединения. Они имели свой электорат и пропорционально числу поданных голосов получали по несколько мест в думах. Во всех губернских городах было представлено по 2–3 списка еврейских организаций, что расплывало их электорат, и не все они получали достаточно голосов для представительства в думах. Однако в списках всех крупных политических партий евреи составили до 1/4 кандидатов. Члены мусульманских организаций были избраны в думы пропорционально поданным голосам. В ходе муниципальной кампании регистрировались также общественные группы беспартийных граждан, списки которых получили достаточно количество голосов для избрания в думы. Однако большинство избранных в ходе демократических выборов гласных отстаивало узкопартийные интересы в структурах местного самоуправления.

Библиографический список

1. Большевики в борьбе с непролетарскими партиями и течениями. М., 1983.
2. Борьба за массы в трех революциях в России / В.П. Булдаков [и др.] // Пролетариат и средние городские слои. М., 1981.
3. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.
4. Волжский день (газета). Самара. 1917.
5. Городской вестник (газета). Самара. 1917.
6. Грунт А.Я. Москва. 1917. Революция и контрреволюция. М., 1976.
7. Демидов В.В. Большевицкая фракция в Московской городской Думе // Вопросы истории КПСС. 1961. № 3.
8. Известия Самарского Совета рабочих депутатов (газета). Самара. 1917.
9. Кабытова Н.Н. Партии в избирательных кампаниях 1917 года // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.
10. Комиссаренко Л.А. В борьбе за массы. Муниципальная деятельность петроградских большевиков в период подготовки Октябрьской революции. Л., 1983.
11. Кручковская В.М. Центральная городская Дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986.
12. Ленин В.И. Позабыли главное (муниципальная платформа партии пролетариата) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32.
13. Минц И.И. История Великого Октября. М., 1978.
14. Приволжская правда (газета). Самара. 1917.
15. Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии. 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.
16. Самарские губернские ведомости (газета). Самара. 1917.
17. Сенцов А.А. Борьба народных масс за демократизацию местного управления в России накануне Октября // Советское государство и право. М., 1984. № 6.
18. Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Организация политических партий на выборах в думы поволжских городов в 1917 г. // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989.
19. Федюк В.П. Кадеты и средние городские слои в 1917 г.: эволюция взаимоотношений // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989.
20. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 41.

*N.N. Kabytova**

MUNICIPAL ELECTIONS OF 1917 IN THE VOLGA REGION

In the article the preparation, carrying out, results of municipal elections of 1917, their influence on differentiation of party and political forces and revolutionary process in the cities of the Volga region is analyzed.

Key words: provisional government, municipal dumas and boards, political parties, public organizations, municipal election campaign.

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (kabpetr@samsu.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.